

ЗНАНИЕ И КОНТЕКСТ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ МАЙКЛА БЛОМЕ-ТИЛЛЬМАННА «СЕМАНТИКА АТРИБУЦИИ ЗНАНИЯ»

Вострикова Екатерина Васильевна – PhD по лингвистике, исследователь по кафедре английской филологии философского факультета Геттингенского университета им. Георга Августа. Германия, 37073, Геттинген, Кете-Хамбургер-Вег, 3; e-mail: katerina-vos@mail.ru

В данной статье проводится анализ книги Майкла Бломе-Тилльманна «Семантика атрибуции знания» (2022), посвященной современным подходам к моделированию зависимости высказываний о знании от контекста. Автор предлагает подробное исследование ключевых теорий, которые объясняют, как контекст влияет на значение утверждений, связанных с понятием знания. Рассматриваются основные подходы к данной проблеме: контекстуализм, эпистемический импуризм, эпистемический релятивизм и строгий инвариантизм. Контекстуализм утверждает, что значение глагола «знать» определяется контекстом произнесения. В рамках этой теории стандарт, определяющий, что именно требуется для знания, варьируется в зависимости от обстоятельств беседы, таких как ее цели и предполагаемые участники. Таким образом, одно и то же утверждение может быть истинным в одном контексте и ложным в другом. Эпистемический импуризм предполагает, что истинностное значение аскрипции знания зависит не от контекста говорящего, а от контекста субъекта, которому знание приписывается. Эта теория допускает, что практические интересы субъекта, такие как возможные риски или выгоды, могут влиять на утверждение о его знании. Релятивизм, в свою очередь, является близкой к контекстуализму теорией. Однако он моделирует зависимость от контекста через параметр интерпретации, а не через введение в логическую форму предложения скрытых элементов, значение которых определяется контекстом. Строгий инвариантизм, напротив, предполагает, что значение аскрипции знания остается неизменным, независимо от контекста. Любая видимая зависимость от контекста объясняется с точки зрения прагматических импликаций. В статье также обсуждаются проблемы, связанные с каждой из этих теорий. Особое внимание уделено контекстуалистской теории Бломе-Тилльманна, которую он называет «пресуппозициональным контекстуализмом». Согласно этому подходу, значение аскрипции знания определяется допущениями, разделяемыми всеми участниками диалога. Однако автор показывает, что эта теория сталкивается с трудностями, когда скептик ставит под сомнение такие общепринятые допущения. В качестве альтернативы предложено объяснение, согласно которому значение аскрипции знания зависит не от пресуппозиций участников, а от обсуждаемого в диалоге вопроса. Проводится аналогия между зависимостью значения глагола «знать» от обсуждаемого вопроса и зависимостью значения нечетких предикатов, таких как «высокий» или «ровный».

Ключевые слова: атрибуция знания, контекст, верование, обоснование

KNOWLEDGE AND CONTEXT. REFLECTIONS ON MICHAEL BLOME-TILLMANN'S “SEMANTICS OF KNOWLEDGE ATTRIBUTION”

Ekaterina V. Vostrikova –
PhD in Linguistics, Researcher
at the Seminar for English
Philology of the Philosophical
Faculty of the University
of Göttingen.
3 Käte-Hamburger-Weg, 37073,
Göttingen, Germany;
e-mail: katerina-vos@mail.ru

This article discusses Michael Blome-Tillmann's book *Semantics of Knowledge Attribution* (2022). The book explores key contemporary approaches to modeling the context-dependence of knowledge ascriptions. The primary theoretical frameworks discussed include contextualism, epistemic impurism, epistemic relativism, and invariantism, each offering unique perspectives on how context shapes the interpretation of knowledge claims. Contextualism posits that the meaning of the verb “to know” depends on the context of utterance. Impurism, on the other hand, argues that the truth value of a knowledge ascription depends not on the speaker's context but on the context of the subject to whom knowledge is attributed. This view allows practical interests, beyond purely epistemic factors, to influence the attribution of knowledge. Relativism, models context-dependence through an interpretation parameter rather than by incorporating unspoken elements into the logical form of sentences. Invariantism, in contrast, holds that the meaning of a knowledge ascription is context-independent, with context dependence instead reflected in conversational implicatures. The article also critiques the challenges and potential weaknesses faced by each of these approaches in explaining various epistemic scenarios. Blome-Tillmann's own theory, termed “presuppositional contextualism”, is explored in detail. According to this framework, the meaning of knowledge ascriptions depends on assumptions shared by all participants in a dialogue. However, it is demonstrated that this theory struggles to account for scenarios in which a skeptic challenges the shared assumptions. The article proposes an alternative view: that truthfulness of knowledge ascriptions depends on the question under discussion rather than presuppositions shared by all the participants of the conversation.

Keywords: knowledge attribution, context, belief, justification

Введение: атрибуции знания и их зависимость от контекста

Атрибуция знания является одной из основных и наиболее обсуждаемых проблем в современной аналитической философии. Книга Майкла Бломе-Тильманна «Семантика атрибуции знания» (2022) представляет собой обзор основных направлений дискуссий в этой области. В своем исследовании автор систематизирует основные типы концепций, анализирует критические аргументы, выдвинутые оппонентами, а также предлагает свою версию основной концепции атрибуции знания – контекстуализма. В данной статье мы предложим краткое описание всех обсуждаемых теорий и основных

философских аргументов, мотивирующих эти теории, а также сформулируем критический аргумент против версии контекстуализма, предлагаемой автором.

Исходной точкой современной дискуссии в области атрибуции знания являются работы Д. Льюиса, такие как «Подсчет очков в языковой игре» и «Ускользящее Знание» [Lewis, 1979; 1996]. В этих работах Льюис предложил теорию эпистемического контекстуализма, которая полагает, что наше понимание знания и интерпретация предложений, содержащих глагол «знать», зависят от контекста дискуссии. Согласно этой теории, аскрипция знания может быть истинной в одном контексте, но ложной в другом контексте. Контекстуализм предполагает, что истинностное значение утверждений о знании не является однозначным или абсолютным, а зависит от таких факторов, как обстоятельства, цели разговора, информация, доступная участникам дискуссии. Дальнейшие дискуссии в этой области были направлены на то, чтобы уточнить, какие конкретно факторы и каким образом влияют на аскрипции знания.

Есть два типа классических аргументов в пользу идеи о том, что истинностное значение аскрипций знания зависит от контекста: случаи в духе Геттиера и случаи, в которых разнится важность истинности аскрипции знания для наших практических целей.

В качестве примера первого типа Блуме-Тилльманн предлагает рассмотреть модифицированный пример Дрекке с зебрами в зоопарке [Dretske, 1970]. Учительница приводит свой класс в зоопарк на экскурсию и объясняет ученикам, что животные в загоне являются зебрами. В этом контексте нам кажется очевидным, что утверждение «Она знает, что животные за забором – это зебры» является истинным. Однако, если нам предложить представить гипотетически возможную ситуацию, что на самом деле в загоне находятся мулы, которых нарочно раскрасили в полосы так, чтобы они выглядели как зебры, наше восприятие истинности предыдущего утверждения о знании меняется. Теперь с учетом нового контекста и информации утверждение выглядит ложным. Данный пример демонстрирует, как эпистемические стандарты (критерии для определения достоверности информации) могут изменяться в зависимости от контекста.

Примеры второго типа представлены случаем в аэропорту С. Коэна [Cohen, 1999] и случаем с банком К. ДеРоуза [DeRose, 1992]. В примере с аэропортом читателю предлагается рассмотреть ситуацию, в которой некто хочет купить билет на определенный рейс до Нью-Йорка, однако для него очень важно, чтобы этот рейс был с пересадкой в Чикаго, где у него запланирована деловая встреча. Этот человек консультируется с другим пассажиром, который только что приобрел билет на этот рейс. Пассажир, глядя на свой билет, говорит, что он точно знает, что данный рейс требует пересадки в Чикаго. Но поскольку для нашего героя принципиально важно попасть

в Чикаго, то он вынужден рассматривать возможные ситуации, когда в расписание рейса были внесены изменения в последнюю минуту или когда распечатанный билет другого пассажира содержит ошибки. Поэтому он заключает, что данный пассажир не знает, делает ли рейс остановку в Чикаго. Этот случай демонстрирует, как практические интересы и ставки могут влиять на наши эпистемические стандарты и суждения об истинности атрибуции знания.

Схожую идею демонстрирует случай с банком К. ДеРоуза. Он также показывает, что наши суждения об истинности аскрипций знания могут меняться в зависимости от того, насколько значимой для нас является информация, содержащаяся в аскрипции. В данном сценарии Ханна размышляет о том, будет ли банк открыт в субботу. В ситуации с низкими ставками (например, ей требуется получить банковскую услугу, но не принципиально когда) ее прошлого опыта обращения в офис банка в субботу достаточно для того, чтобы она могла истинно утверждать: «Я знаю, что банк открыт в субботу». Однако в ситуации с высокими ставками (например, Ханне необходимо заплатить налоги и суббота – это последний срок) это же утверждение воспринимается как ложное, ведь Ханна должна учитывать такие возможности, как изменение расписания работы банка или непредвиденные обстоятельства, препятствующие работе банка именно в эту субботу. Мы снова наблюдаем здесь, что уровень ставок в контексте влияет на то, является ли истинной аскрипция знания. Здесь важно отметить, что эпистемически релевантные обстоятельства не изменяются в контексте в этих примерах: обоснование Ханны остается одним и тем же – это ее прошлый опыт взаимодействия с банком. Изменяются только внешние для самого знания обстоятельства – важность данного знания. Таким образом, данные примеры (по крайней мере, на первый взгляд) показывают, что практические интересы могут влиять на наше восприятие истинности аскрипций знания.

Эпистемический контекстуализм Д. Льюиса

Эпистемический контекстуализм в современной эпистемологии – это не единая теория, а общее направление исследования того, как истинностное значение атрибуций знания может меняться в зависимости от контекста высказывания.

Наиболее влиятельной и обсуждаемой является теория Д. Льюиса [Lewis, 1996]. Он предлагает следующую семантику для аскрипций знаний.

Предложение « x знает p » в контексте S истинно тогда и только тогда, если свидетельства, доступные x , исключают любую релевантную возможность $\neg p$.

Речь здесь идет о том, что можно приписывать субъекту знание только в том случае, если на основании имеющихся свидетельств он может исключить релевантные ситуации, несовместимые с этим знанием.

Ключ к пониманию применения этого определения лежит в понятии «релевантной». Как отличить релевантную ситуацию от нерелевантной? Рассмотрим известный пример в духе Геттиера из статьи А. Голдмана [Goldman, 1976] с потемкинскими сараями. В этом примере нам предлагается рассмотреть ситуацию человека, который видит сараи, не зная, что большая часть из них представляет собой муляжи. Наша интуиция говорит, что в таком случае нельзя сказать: «Он знает, что это сарай», указав случайным образом на реальный сарай. Условия для приписывания знания не выполнены в данном контексте. Следуя определению Льюиса, мы должны сказать, что индивид не исключил релевантную возможность, совместимую с тем, что это не сарай, а именно возможность того, что большинство или даже все сараи фейковые. Что делает эту возможность релевантной и почему такого рода странные и отдаленные возможности не всегда являются релевантными?

Для ответа на эти вопросы Льюис предлагает ряд правил для определения релевантности. Всего таких правил семь. Мы не будем подробно рассматривать все правила, а сосредоточимся только на тех, которые помогают объяснить примеры геттиеровского типа, а также примеры с разными практическими интересами.

Согласно Льюису, в геттиеровский примерах играют роль два правила: правило реальности («Реальность всегда является релевантной альтернативой и не может игнорироваться»); правило сходства («Возможность является релевантной, если она схожа с возможностью, которую нельзя игнорировать в силу какого-то другого правила (например, правила реальности)»).

Эти правила объясняют пример с муляжами сараев следующим образом. В данном случае мы не можем игнорировать возможность того, что индивид видит очередной ненастоящий сарай, потому что такая возможность сходна с реальностью в том смысле, что большая часть объектов, выглядящих как сараи, являются муляжами.

Два правила отвечают за роль практических интересов и ставок в том, какие критерии применимы для истинностной аскрипции знания: правило верования («То, во что субъект верит, не может игнорироваться, даже если это ошибочно») и правило внимания («Нельзя игнорировать возможность, к которой привлечено наше внимание»).

Льюис иллюстрирует применение первого правила примером с судом, которому необходимо установить виновность индивида в совершении убийства. В данном случае ошибка ведет к серьезным последствиям, поэтому меньшее количество возможностей

может игнорироваться. Однако некоторые маловероятные возможности, например возможность того, что специально обученная собака нажала на курок, могут вполне обоснованно не рассматриваться судом. Тем не менее если один из судей убежден, что лучший в мире тренер собак был врагом убитого, то даже такая отдаленная возможность должна приниматься во внимание как релевантная. В примере с аэропортом или банком роль может играть как правило верования, так и правило внимания. В частности, если индивид верит, что в распечатке билета может быть ошибка, или если даже внимание индивида было просто привлечено к возможности такой ошибки, то такая возможность не может игнорироваться.

В целом теория релевантных альтернатив, которые не могут игнорироваться при атрибуции знания, предложенная Льюисом, объясняет, как значимость различных альтернатив может изменяться в зависимости от контекста разговора, тем самым влияя на истинность атрибуций знаний.

Интересно отметить, что такие традиционные понятия, как обоснование и верование, не входят в определение знания по Льюису, на что он сам прямо указывает.

Правило сходства и его роль в объяснении геттиеровских случаев подвергались серьезной критике. В частности, Дж. Хоторн подчеркивает разницу между вниманием к какой-то идее и принятием этой идеи. Рассматривая пример ситуации с просмотром фильма «Матрица», он указывает на то, что, хотя этот фильм привлекает внимание к возможности нереальности внешнего мира, при его просмотре мы все равно можем делать истинные утверждения типа «Я знаю, что я в кинотеатре». Хоуторн отмечает, что, согласно подходу Льюиса, сделать альтернативу релевантной слишком просто, а значит, слишком сложно удовлетворить условиям истинной аскрипции знания [Hawthorne, 2004].

Другие версии контекстуализма

Обсуждаются в книге и другие версии контекстуализма. В частности, рассматривается подход Коэна, получивший название «интерналистского эвиденциализма» [Cohen, 1999]. Коэн дает следующее определение знания.

Если в контексте S индивиду x можно приписать свойство «знать p », то верование x , что p , является достаточно эпистемически сильным, чтобы приписывать ему это свойство в данном контексте.

Согласно этому подходу, знание или незнание некоего утверждения зависит от качества и силы доказательств и аргументов, которыми

они подкрепляют свое верование в эту пропозицию. Истинность аскрипций знания в значительной степени зависит от внутренних факторов, доступных субъекту, таких как рациональные соображения и обоснование (отсюда и название подхода). Согласно теории Коэна, контекст аскрипции определяет, насколько сильной должна быть эпистемическая позиция человека, чтобы приписывать ему знание. В этом контекстуализм его подхода: атрибуции знания чувствительны к различиям стандартов в разных контекстах. В разных контекстах то, что считается достаточными доказательствами или рациональной обоснованностью для утверждения о знании, может меняться. Коэн предлагает также вероятностный подход, согласно которому знание можно приписывать, если условная вероятность истинности содержания знания при условии наличия имеющихся доказательств достаточно высока в данном контексте.

Еще одна контекстуалистская концепция знания была сформулирована Кейтом ДеРоузом [DeRose, 1992; 1995; 2009; 2018]. Эта теория схожа с теорией Коэна, так как она также основана на понятии эпистемической силы. В отличие от Коэна, для прояснения понятия эпистемической силы он использует не вероятностный подход, а опирается на модальное понятие надежности. С его точки зрения, для того чтобы находиться в сильной эпистемической позиции, необходимо верование, содержание которого не только истинно в реальном мире, но и в мирах, достаточно схожих с реальным. Позиция субъекта относительно рассматриваемого вопроса или проблемы становится сильнее, если, наряду с близкими (схожими с реальным миром) мирами, содержание верования верифицируется и в более отдаленных мирах. Его контекстуалистское определение знания таково: «аскрипция знания является истинной тогда и только тогда, если верование индивида является контекстуально достаточно надежным».

Бломе-Тильманн полагает, что оба подхода сталкиваются с теми же сложностями, что и подход Льюиса. В частности, эти подходы слишком уступчивы скептицизму. Ведь если внимания к скептическому сценарию достаточно для того, чтобы поднять стандарт обоснования до такой степени, что обладание знанием становится невозможным, то мы лишаемся большей части наших знаний о внешнем мире.

Лингвистические версии контекстуализма

Существуют различные семантические имплементации контекстуализма, каждая из которых основана на аналогии с другими выражениями языка, зависимыми от контекста.

Самой очевидной аналогией являются прилагательные, такие как «сухой», «ровный», «синий», так как их значение часто характеризуется как «неточное» или «размытое». П. Юнгер [Unger, 1975] отмечает, что аргументы, аналогичные скептическим аргументам относительно знания, могут быть сформулированы в отношении некоторых градулируемых прилагательных. Например, так же, как в рамках философской дискуссии, можно утверждать, что на самом деле мы ничего не знаем по-настоящему, можно утверждать, что ни одна поверхность не является по-настоящему ровной и что ни одна емкость не является по-настоящему пустой.

Несмотря на привлекательность данного подхода, аналогия между зависимыми от контекста прилагательными и знанием не является абсолютной [Stanley, 2004].

Прилагательные, чье значение включает отсылку к подразумеваемому в диалоге стандарту, могут модифицироваться различными наречиями, которые сообщают нам дополнительную информацию об этом стандарте, например «совсем плоский», «совсем пустой», а также допускают сравнение степеней: «более пустой, чем». В этом смысле глагол «знать» ведет себя иначе. Несмотря на то, что можно сказать: «Я это очень хорошо знаю», «Я знаю, эту тему лучше, чем ту», нельзя сказать: «Я очень хорошо знаю, что Земля круглая» или «Я знаю, что Земля круглая лучше, чем то, что трава зеленая». Таким образом, когда глагол «знать» сочетается с пропозицией, он теряет возможность модификации степени знания. Дж. Стенли отмечает также, что другие глаголы, сочетающиеся с пропозициями, допускают такого рода модификации: «я очень сильно/больше всего сожалею, что пришел тогда туда», «я сожалею, что пришел туда, больше, чем я сожалею, что поссорился с ним» [Ibid.].

Проводилась также аналогия с кванторами и контекстуальным ограничением их области действия. Так, если мы говорим: «Все студенты сдали экзамен», то мы не имеем в виду, что все студенты в мире сдали экзамен, мы ограничиваем область действия квантора «все» релевантными студентами из определенного класса или школы. Основным аргументом против идеи моделировать значение слова «знать» по аналогии с этими выражениями является тот факт, что ограничение области действия квантора может изменяться в одном и том же предложении: «Каждый матрос помахал каждому матросу» (когда речь идет о матросах разных кораблей) или «Она всегда отвечает на вопросы учителя, всегда помогает маме по дому, всегда выигрывает спортивные состязания» (где «всегда» в трех случаях квантифицирует по разным ситуациям: ситуациям, когда учитель задает вопросы в школе, ситуациям, когда требуется помощь дома, и ситуациями, когда она участвует в спортивных состязаниях) [Stanley, 2004]. Предложения со словом «знать» ведут себя иначе: высказывание «Я знаю, что у меня есть руки, но я не знаю

наверняка, нахожусь ли я в матрице» воспринимается нами как противоречие.

Этот же аргумент применялся к вышеуказанной аналогии с прилагательными, потому что они также допускают изменение стандарта в одном предложении: «Эта бабочка огромная, а этот слон маленький» (относительно других животных своего вида) [Stanley, 2004]. Однако здесь стоит отметить, что более точной аналогией предложений о знании будут скорее конструкции такой формы, как «Слон маленький, но он не маленький», «Поверхность ровная, но она не ровная», которые также воспринимаются как противоречивые. Хоторн, обсуждая схожие примеры, отмечает, что в языке есть способы уточнить, что имеется в виду в случае с прилагательными, но не в случаях с глаголом «знать» [Hawthorne, 2004]: «Поверхность ровная для обеденного стола, но она недостаточно ровная для физического эксперимента».

Здесь можно отметить в противовес Хоторну, что такого же рода пояснение существенно улучшает дискурс о знании: «Я знаю, что у меня есть руки в общепотребимом смысле этого слова. Конечно, в философском смысле, я признаю, что невозможно отличить реальность от представления, а значит, я на самом деле не знаю, есть ли у меня есть руки». Это отчасти ставит под вопрос возражения Хоторна.

Эпистемический импуризм

Дискуссиями внутри теории контекстуализма не исчерпываются современные философские дебаты вокруг проблемы аскрипции знания. Другой влиятельный и широко обсуждаемый тип теорий получил название «эпистемического импуризма» [Fantl, McGrath, 2002; 2007; 2009; Hawthorne, 2004; Stanley, 2005; Hawthorne, Stanley, 2008; Weatherson, 2011; 2012; 2017]. Основной тезис этого подхода состоит в том, что истинность аскрипции знания отчасти зависит от практической ситуации субъекта знания. Как и контекстуализм, данный подход предполагает, что одна и та же аскрипция знания может быть истинной или ложной в зависимости от контекста. В отличие от контекстуализма, данная теория утверждает, что имеет значение контекст субъекта аскрипции (субъекта предложения о знании), а не того, кто оценивает утверждение о знании. В частности, подходы такого типа полагают, что оценка аскрипций знания может варьироваться в зависимости от практических обстоятельств субъекта. В этом смысле данная теория противопоставляется традиционным эпистемологическим теориям, в которых знание определяется исключительно факторами, способствующими достижению истины, такими как доказательства, надежность методов формирования убеждения,

обоснование и т.д. Мотивация для теорий этого типа основывается на таких примерах, как пример с аэропортом или банком, в которых наша оценка знания меняется в зависимости от того, насколько практические интересы субъекта зависят от этого знания.

Еще одно отличие эпистемического импуризма от контекстуализма состоит в том, что, тогда как контекстуализм предполагает, что предикат «знает р» чувствителен к контексту и его содержание меняется в соответствии с этим контекстом, импуризм не делает такого лингвистического или семантического утверждения [Hawthorne, 2004; Stanley, 2005]. Это скорее онтологическая точка зрения о природе знания, согласно которой вопрос о том, знает ли субъект истинностное значение пропозиции, зависит от его собственной практической ситуации.

Следует отметить, что импуризм – это не одна монолитная теория, а кластер теорий. Среди этих теорий присутствует также вероятностный подход («насколько большой должна быть вероятность пропозиции, принимая во внимание доступные индивиду свидетельства, для того, чтобы индивид знал эту пропозицию, зависит от практических интересов индивида» [Fantl and McGrath, 2009]).

Импуризм сталкивается с серьезными философскими проблемами. В частности, тезис о том, что роль играют только практические интересы именно того, кому приписывается знание, представляется неверным.

Это иллюстрируется случаями, в которых ставки для приписываемого знания высоки, но ставки для субъекта низки, такими как пример с аэропортом, рассмотренный здесь ранее. В этом примере информация важна только для индивида, который спрашивает другого пассажира, останавливается ли рейс в Чикаго, поскольку у него там запланирована важная встреча. Предложение, содержащее аскрипцию знания себе, а именно «Я знаю, что самолет останавливается в Чикаго», произносимое другим пассажиром, воспринимается как ложное из-за того, что ставки именно спрашивающего велики. Таким образом, импуризм не может объяснить наши интуиции в этом случае.

Для того чтобы оценить, насколько серьезна данная проблема для эмпиризма, достаточно ознакомиться с ответом, предложенным Дж. Стэнли [Stanley, 2005]. По мнению Стэнли, когда мы рассматриваем такого рода сценарий, мы совершаем когнитивную ошибку, а именно, мы ошибочно принимаем фактическое произнесение пассажиром предложения в изъявительном наклонении за контрфактическое условное предложение такого типа: «Пассажир не знал бы, что самолет летит в Чикаго, если бы он находился в нашей практической ситуации». Представляется достаточно очевидным, что данное объяснение является абсолютно произвольным и не может претендовать на реальную теорию того, что происходит в таких случаях.

Бломе-Тилльманн также указывает на то, что импуризм делает неверные предсказания относительно вложенных аскрипций знания. Например, условное предложение «Если бы мне нужно было оплатить налоги до воскресенья, я не знал бы, что банк будет открыт в субботу», в котором antecedent описывает ситуацию повышенных ставок, воспринимается как ложное. Таким же образом, предложение «Я не знаю этого сейчас и не знал бы, если бы ставки были ниже» воспринимается как истинное.

В современной литературе подвергается сомнению и сам тезис о том, что практические интересы и ставки могут влиять на наши аскрипции знания. В частности, примеры, в которых высокие ставки требовали пересмотра нашей оценки аскрипции знания, были противопоставлены примерам, в которых ставки были и оставались низкими, при этом наша аскрипция знания пересматривается. Пример с банком можно модифицировать таким образом: предположим, что у Сары есть несрочное дело в банке, однако, проезжая мимо банка в пятницу с мужем, она видит большую очередь. Она решает, что может сделать свое дело в субботу, и они обсуждают вопрос, открыт ли банк в субботу. Муж вспоминает, что на прошлой неделе был в субботу в банке. Сара отмечает, что она банки иногда меняют часы работы. Ее муж говорит: «Полагаю, ты права. Я не знаю, будет ли банк открыт завтра». Этот пример показывает, что роль здесь играют не сколько практическая значимость знания и ставки, а то, что повышенная практическая значимость заставляет нас обратить внимание на те возможности, которые обычно могут игнорироваться. Однако привлечь внимание к этим возможностям можно и в ситуации с низкими ставками. Наша готовность пересматривать оценку аскрипции знания варьируется в зависимости от заметности, конкретности и яркости возможности ошибок. В экспериментальной литературе было показано, что практические факторы, такие как ставки и интересы, не оказывают значительного влияния на аскрипции знания. Это ставит под вопрос утверждение импуриста о том, что практические интересы субъекта определяют, какие доказательства или свидетельства требуются для знания [Wesley, 2014; Rose et al., 2019; Roeber, 2018].

Другие теории

В книге рассматриваются также такие теории, как «эпистемический релятивизм» и «строгий ивариатизм».

Первая теория представлена работами Дж. МакФарлейн [MacFarlane, 2005; 2009; 2011; 2014]. Согласно эпистемическому релятивизму, содержание аскрипций знания остается неизменным (они не содержат

никаких скрытых переменных или индексикалов), но их значение вычисляется не только относительно параметров времени и мира, а относительно трех параметров: мира, времени и контекста оценки.

МакФарлейн проводит аналогию между предикатами личного вкуса, такими как «вкусно» и аскрипциями знания. Два индивида могут быть несогласны относительно утверждений, содержащих предикаты личного вкуса, при этом у нас нет интуиции, что кто-то из них ошибается. МакФарлейн предлагает рассматривать различие в суждениях об истинности аскрипций знания в зависимости от контекста таким же образом: и суждение, что учитель знает, что перед ней зебра, произнесенное в обычном контексте, и суждение, что учитель не знает, что перед ней зебра, произнесенное в контексте, когда наше внимание привлечено к скептической альтернативе, являются истинными.

МакФарлейн, в отличие от предыдущего подхода, не предсказывает, что условное предложение «если бы мне надо было оплатить налоги до воскресенья, то я бы не знал, что банк будет открыт в субботу» должно быть истинным. Параметр интерпретации задается для всего предложения, таким образом, условное предложение не может повлиять на контекст оценки, предложение оценивается в контексте низкого риска, а не в предполагаемом контрфактическом контексте с высокими ставками. В качестве основного возражения данному подходу в литературе автор рассматриваемой книги выделяет аргумент о том, что, когда мы в свете скептических сценариев признаем, что не обладаем знанием, мы не продолжаем считать нашу изначальную аскрипцию знания истинной [Montminy, 2009; Рунн, 2016]. Это можно проиллюстрировать на основе диалога, в контексте примера с зоопарком:

Джон: Я знаю, что это зебра.

Мэри: Откуда ты знаешь, что это не мул, искусно раскрашенный так, чтобы он выглядел как зебра?

Джон: Да, такая возможность есть. Так что я ошибался. На самом деле я не знаю, что это зебра.

Здесь Джон говорит, что его предыдущая аскрипция была ложной и что она была результатом ошибки. Однако, согласно релятивизму, Джон ранее не ошибался: первоначальная аскрипция знания Джона и последующее отрицание должны восприниматься как верные.

В статье обсуждается также две версии строгого инвариантизма – психологическая и прагматическая. Как следует из названия, объединяет эти подходы идея о том, что значение слова «знать» и истинностное значение аскрипций знания являются постоянными и не зависят от контекста.

Выделяются две версии психологического инвариантизма. Одна из них утверждает, что мы ошибаемся, когда в ситуации с высокими

ставками отказываем индивиду или себе в знании. В рамках данной теории предлагается психологическое объяснение для такого рода ошибки [Gerken, 2013; 2017; Stoutenburg, 2017]. Проблематичный аспект данной теории, с точки зрения автора книги, состоит в той систематичности, с которой носители языка склонны более строго оценивать аскрипции знания в ситуации с более высокими ставками или в ситуации, когда наше внимание привлекается к скептическим сценариям.

Также можно отметить, что эта теория ставит под сомнение наши методы анализа значения. У нас нет другого доступа к значению выражений языка кроме наших интуиций об условиях истинности предложений, в которые входят эти предложения. Непонятно, каким образом, мы можем ошибаться в наших суждениях относительно глагола «знать», но не в отношении всех остальных выражений языка. И если мы отрицаем анализ наших интуиций о значении, как метод их исследования, то на каком основании мы можем утверждать, что мы ошибаемся, именно когда отрицаем знание в ситуации с высокими ставками, а не тогда, когда приписываем знание в условиях низких ставок?

Согласно другой версии психологического подхода, наша интуиция в отношении ситуации с высокими ставками верна и Ханна на самом деле не знает, что банк открыт в субботу, но причина этого кроется в том, что она не верит в то, что банк открыт, а верование – это необходимый компонент знания [Bach, 2005; Nagel, 2008; 2010]. Автор книги возражает этой теории, указывая на то, что наша интуиция в таких случаях заключается в том, что индивид не знает, будет ли банк открыт в субботу, потому что ее эпистемическая позиция недостаточна сильно, а не только потому, что ей не хватает убежденности. Д. Льюис также обращает внимание на то, что верование не является необходимым условием знания [Lewis, 1996, p. 556]. Льюис приводит пример с очень робким студентом, который знает ответ на вопрос экзаменатора, хотя у него нет уверенности в том, что он ответил правильно, и нет веры в то, что он знает ответ. Мы все равно говорим в такой ситуации, что студент знает ответ.

Вторая версия строгого инвариатизма – прагматическая – также основана на идее о том, что значение аскрипций знаний не меняется в зависимости от контекста. За зависимость от контекста отвечают прагматические факторы, а именно импликатуры. Данная теория также представлена в литературе в разных вариациях. Согласно одной из них, наши утверждения о знании всегда ложные, поскольку «х знает р» является истинным тогда и только тогда, если свидетельства, имеющиеся у х, исключают каждый \neg р мир [Schaffer, 2004; Davis, 2007], что является невыполнимым. Аскрипции знания сопровождаются истинной импликатурой в ситуации с низкими

ставками: «свидетельство x исключает каждый $\neg r$ мир, имеющий отношение к контексту произнесения», поэтому воспринимаются как истинные. Согласно П. Грайсу, импликатуры возникают, когда нарушается какое-то правило коммуникации, в данном случае предполагается, что нарушается принцип качества («Не говорите то, что вы считаете не истинным»!).

Представители этой теории проводят аналогию с гиперболой в языке, то есть такими высказываниями, как «Я извинился тысячу раз», «Я ждал автобуса сто лет». Когда мы делаем утверждение о знании не в скептическом контексте, это гипербола, преувеличение. Аргументом против этой теории является то, что носители языка способны осознавать, когда они используют гиперболы, но при этом они не воспринимают использование глагола «знать» в повседневной речи как преувеличение. Более того, автор книги указывает, что гиперболы и глагол «знать» ведут себя по-разному с лингвистической точки зрения. Можно сравнить два диалога ниже: в первом показано, что говорящий вполне может указать на преувеличение, во втором – это оказывается невозможным.

А: Я ждал целую вечность!

Б: Это абсурдно, ни один человек не смог бы ждать так долго.

А: Да ладно, я просто преувеличил!

А: Я знаю, что банк будет открыт завтра.

Б: #Это абсурдно, ни один человек не может этого знать.

А: #Ну ладно, я просто преувеличил!

Есть и другая версия этой теории, которая также полагает, что буквальное значение аскрипций знания является неизменным, а за контекстную зависимость отвечает импликатура, при этом буквальное значение аскрипций знания является истинным [Rysiew, 2001; 2007; Black, 2005; Brown, 2006; Hazlett, 2009; Pritchard, 2010]. Согласно этому подходу, неизменно семантическое (условно-истинностное) содержание аскрипции знания таково: «свидетельства x исключают каждый $\neg r$ мир, который эпистемически релевантен». При этом аскрипция знания генерирует импликатуру: «доказательства x исключают каждый $\neg r$ мир, который является актуальным в разговоре в данном контексте». Различие между условиями истинности и импликатурой в том, какие миры исключаются – эпистемически релевантные или актуальные в разговоре. Представители этого подхода полагают, что в ситуации с низкими ставками эпистемически релевантные миры и миры, актуальные в разговоре, совпадают. Но в ситуации с высокими ставками контекст диалога делает актуальными миры, которые не являются эпистемически релевантными. Эпистемически релевантные миры не меняются в зависимости от контекста. Согласно этому подходу, в такой ситуации предложение формы « x знает r » является истинным, но импликатура является ложной.

Этот подход, с нашей точки зрения, основан на непонимании механизма генерации импликатур. Не существует неотменяемых импликатур, отменяемость заложена в определении импликатуры. Это демонстрирует [Cohen, 1999], показывая, что данная теория неверно предсказывает, что следующий дискурс должен быть последовательным, так как в нем предполагаемая импликатура отменяется: «Я знаю, что банк завтра будет открыт, но не могу исключить, что банк недавно изменил график работы».

Пресуппозициональный контекстуализм

Учитывая эти аргументы, дискуссии и общую картину, автор предлагает новую теорию, которую он называет «пресуппозициональный эпистемический контекстуализм». Согласно этой теории, главным фактором, влияющим на наши интуиции относительно аскрипций знания, является не важность, актуальность или ставки, а скорее пресуппозиции, присутствующие в контексте атрибуции знания.

Выше мы обсуждали примеры, в которых показано, что ставки сами по себе не влияют на аскрипцию знания. Примеры с высокими ставками, где аскрипция знания остается истинной, показывают, что важны не ставки сами по себе, а скорее привлечение внимания к тем возможностям, которые могут игнорироваться в сценарии с низкими ставками. Однако автор показывает, что и просто привлечения внимания недостаточно для пересмотра нашей оценки аскрипции знания. Он предлагает рассмотреть ту же ситуацию с банком, где опять же Ханна с мужем, проезжая мимо банка в пятницу, наблюдают большую очередь. Ханна размышляет о том, будет ли открыт банк в субботу. Муж говорит, что банки меняют расписание. Однако Ханна отвергает его рассуждения, говоря, что она много раз была в этом банке в субботу, в том числе недавно. Она заключает: «Я знаю, что банк открыт в субботу». Таким образом, в этом видоизмененном примере показано, что, хотя слова мужа актуализируют возможность того, что банк будет закрыт в субботу, этого недостаточно для того, чтобы аскрипция знания была пересмотрена. То, что отличает этот пример от примеров, рассмотренных выше, – это что Ханна не принимает аргументы мужа. Автор заключает, что этот пример не может быть объяснен в рамках классической теории контекстуализма. Согласно правилу внимания Льюиса, актуализации скептической возможности, привлечения к ней внимания достаточно для того, чтобы аскрипция знания перестала быть истинной.

Соответственно, автор заключает, что ключевую роль играет то, какие возможности принимаются или отвергаются в контексте. Ставки и актуальность могут влиять на то, что прагматически предполагается

как данность, они не влияют непосредственно на наши суждения об истинности атрибуций знания.

Он реализует свою интуицию посредством понятия пресуппозиции, которой предлагается следующее определение: « p является пресуппозицией x в контексте C тогда и только тогда, если x имеет диспозицию вести себя в использовании языка так, как если бы он считал p общим (общепринятым) основанием в C ».

На основе этих интуиций он предлагает свою теорию, которую он называет «пресуппозиционный эпистемический контекстуализм»: « x удовлетворяет условиям “знает p ” в контексте C , только если свидетельство x исключает все $\neg p$ миры, совместимые с тем, что прагматически предполагается в C ».

Особенность этого определения в том, что оно не вводит необходимого и достаточного условия («если и только если») для того, чтобы аскрипция знания была истинной, а формулирует только необходимое условие («только если»). Таким образом, данная теория не представляет собой полноценную теорию аскрипций знания. Это признает и сам автор. Он указывает на то, что этот вид контекстуализма не предлагает ни анализа, ни редуктивного определения «знания» и, как следствие, совместим с большим разнообразием взглядов в эпистемологии, предлагаемое условие можно добавить к большинству объяснений природы «знания», включая теорию о том, что «знание» не поддается анализу или определению.

Согласно этой теории, данный пресуппозиционный компонент вписан в семантику слова «знать». Он предлагает индексальный анализ, проводя аналогию между словом «знать» и такими индексальными выражениями, как «я» и «сегодня». Особенностью этих выражений является то, что их значение определяется автоматически в контексте произнесения [Perry, 2001], то есть не зависит от интенций говорящего, в отличие от таких выражений, как «он» и «она». Автор указывает на то, что существующие аргументы против различных лингвистических имплементаций контекстуализма не применимы к предлагаемой им теории. Выражения такого типа, как «я», «сегодня» и «завтра», не меняют свое содержание в рамках одного дискурса. Это можно продемонстрировать противоречивостью следующих предложений: «Я голоден, но я не голоден», «Завтра будет 1 января 2025 года, но завтра не будет 1 января 2025 года».

Согласно предлагаемой теории, семантическое содержание слова «знает» в контексте частично определяется прагматическими пресуппозициями, а намерения говорящего не играют прямой роли в определении содержания слова «знает».

Помимо того, что сформулированная в книге идея не представляет собой теории аскрипции знания, предлагаемый подход имеет и другие недостатки. В частности, пресуппозиции – это именно те допущения, которые считаются общими, разделяемыми всеми участ-

никами в контексте разговора. Но для того, чтобы поднять вопрос о возможности скептического сценария, нет необходимости исходить из того, что все участники диалога делают такое допущение. Так, вполне возможна ситуация, когда скептически настроенный философ рассказывает своей семье: «Мы не можем точно знать, что это зебры, потому что существует возможность, что это раскрашенные мулы, мы не можем исключить эту возможность». Высказывание скептических мыслей вовсе не требует, чтобы участники диалога заранее разделяли его настрой. Это показывает, что аскрипции знания не указывают на основания, разделяемые всеми участниками диалога.

Здесь хотелось бы вернуться к аналогии между предикатом «знать» и прилагательными, значение которых в литературе часто описывается как «неточное» или «размытое». Это такие предикаты, как «сухой», «ровный», «синий». Насколько ровной должна быть поверхность, для того чтобы предложение, содержащее этот предикат, было истинным, зависит от контекста в том же смысле, в каком значение предиката «знать» зависит от контекста. Например, если вопрос, который мы обсуждаем в диалоге, это вопрос о том, можно ли поставить шкаф на этот пол, то мелкие неровности не влияют на истинность предложения «поверхность ровная». Однако если мы проводим сложный физический эксперимент, исход которого зависит от мельчайших неровностей, то поверхность с таким же уровнем ровности будет оцениваться как неровная. Таким же образом, значение слова «знать» зависит не от тех убеждений, которые разделяются участниками диалога, а тем, какой вопрос стоит на повестке в рамках текущего диалога.

Заключение

В данной статье мы описали основные подходы к моделированию зависимости аскрипций знания от контекста, существующие в современной литературе. Данное обсуждение показывает, что наиболее адекватной остается теория контекстуализма, однако конкретная имплементация зависимости атрибуций знания от контекста остается открытым вопросом в современной эпистемологии и семантике.

Список литературы / References

Bach, 2005 – Bach, K. “The Emperor’s New ‘Knows’”, in: G. Preyer and G. Peter. (eds.) *Contextualism in Philosophy: On Epistemology, Language and Truth*. Oxford: Oxford University Press, 2005, pp. 51–90.

Black, 2005 – Black, T. “Classic Invariantism, Relevance, and Warranted Assertability Manoeuvres”, *Philosophical Quarterly*, 2005, vol. 55, pp. 328–336.

Brown, 2006 – Brown, J. “Contextualism and Warranted Assertability Manoeuvres”, *Philosophical Studies*, 2006, vol. 130, pp. 407–435.

Buckwalter, 2014 – Buckwalter, W. “The Mystery of Stakes and Error in Ascriber Intuitions”, in: J. Beebe (ed.) *Advances in Experimental Epistemology*. London: Bloomsbury Academic, 2014, pp. 145–174.

Cohen, 1999 – Cohen, S. “Contextualism, Skepticism, and the Structure of Reasons”, *Philosophical Perspectives*, 1999, vol. 13, pp. 57–89.

Davis, 2007 – Davis, W.A. “Knowledge Claims and Context: Loose Use”, *Philosophical Studies*, 2007, vol. 132, pp. 395–438.

DeRose, 1992 – DeRose, K. “Contextualism and Knowledge Attributions”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 1992, vol. 52, pp. 913–929.

DeRose, 1995 – DeRose, K. “Solving the Skeptical Problem”, *The Philosophical Review*, 1995, vol. 104, pp. 1–52.

DeRose, 2009 – DeRose, K. *The Case for Contextualism: Knowledge, Skepticism, and Context, Vol. 1*. New York; Oxford: Oxford University Press, 2009.

DeRose, 2018 – DeRose, K. *The Appearance of Ignorance: Knowledge, Skepticism, and Context, Vol. 2*. Oxford: Oxford University Press, 2018.

Dretske, 1970 – Dretske, F. “Epistemic Operators”, *Journal of Philosophy*, 1970, vol. 67, pp. 1007–1023.

Fantl, McGrath, 2002 – Fantl, J. and M. McGrath. “Evidence, Pragmatics and Justification”, *The Philosophical Review*, 2002, vol. 111 (1), pp. 67–94.

Fantl, McGrath, 2007 – Fantl, J. and M. McGrath. “On Pragmatic Encroachment in Epistemology”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 2007, vol. 75, pp. 558–589.

Fantl, McGrath, 2009 – Fantl, J. and M. McGrath. *Knowledge in an Uncertain World*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009.

Gerken, 2013 – Gerken, M. “Epistemic Focal Bias”, *Australasian Journal of Philosophy*, 2013, vol. 91 (1), pp. 41–61.

Gettier, 1963 – Gettier, E. “Is Justified True Belief Knowledge?”, *Analysis*, 1963, vol. 23, pp. 121–123.

Goldman, 1976 – Goldman, A. “Discrimination and Perceptual Knowledge”, *Journal of Philosophy*, 1976, vol. 73, pp. 771–791.

Hawthorne, 2004 – Hawthorne, J. *Knowledge and Lotteries*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Hawthorne, Stanley, 2008 – Hawthorne, J. and J. Stanley. “Knowledge and Action”, *Journal of Philosophy*, 2008, vol. 105 (10), pp. 571–590.

Hazlett, 2009 – Hazlett, A. “Knowledge and Conversation”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 2009, vol. 78 (3), pp. 591–620.

Lewis, 1979 – Lewis, D. “Scorekeeping in a Language Game”, *Journal of Philosophical Logic*, 1979, vol. 8, pp. 339–359.

Lewis, 1996 – Lewis, D. “Elusive Knowledge”, *Australasian Journal of Philosophy*, 1996, vol. 74, pp. 549–567.

MacFarlane, 2005 – MacFarlane, J. “The Assessment Sensitivity of Knowledge Attributions”, in: T. Gendler and J. Hawthorne (eds.) *Oxford Studies in Epistemology*. Oxford: Oxford University Press, 2005, pp. 197–233.

MacFarlane, 2009 – MacFarlane, J. “Nonindexical Contextualism”, *Synthese*, 2009, vol. 166 (2), pp. 231–250.

MacFarlane, 2011 – MacFarlane, J. “Relativism and Knowledge Attributions”, in: S. Bernecker and D. Pritchard (eds.) *Routledge Companion to Epistemology*. London: Routledge, 2011, pp. 536–544.

MacFarlane, 2014 – MacFarlane, J. *Assessment Sensitivity: Relative Truth and Its Applications*. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Montminy, 2009 – Montminy, M. “Contextualism, Relativism and Ordinary Speakers’ Judgments”, *Philosophical Studies*, 2009, vol. 143 (3), pp. 341–356.

Nagel, 2008 – Nagel, J. “Knowledge Ascriptions and the Psychological Consequences of Changing Stakes”, *Australasian Journal of Philosophy*, 2008, vol. 86 (2), pp. 279–294.

Nagel, 2010 – Nagel, J. “Epistemic Anxiety and Adaptive Invariantism”, *Philosophical Perspectives*, 2010, vol. 24 (1), pp. 407–435.

Perry, 2001 – Perry, J. *Reference and Reflexivity*. Stanford, CA: CSLI Publications, 2001.

Pritchard, 2010 – Pritchard, D. “Contextualism, Skepticism and Warranted Assertibility Manoeuvres”, in: J. Keim-Campbell, M. O’Rourke, and H. Silverstein (eds.) *Knowledge and Skepticism*. Cambridge, MA: MIT Press, 2010, pp. 85–104.

Pynn, 2016 – Pynn, G. “Contextualism in Epistemology”, *Oxford Handbooks Online*. New York: Oxford University Press, 2016.

Rysiew, 2001 – Rysiew, P. “The Context-Sensitivity of Knowledge Attributions”, *Noûs*, 2001, vol. 35 (4), pp. 477–514.

Rysiew, 2007 – Rysiew, P. “Speaking of Knowing”, *Noûs*, 2007, vol. 41 (4), pp. 627–662.

Schaffer, 2004 – Schaffer, J. “Skepticism, Contextualism, and Discrimination”, *Philosophy and Phenomenological Research*, 2004, vol. 69, pp. 138–155.

Stoutenburg, 2017 – Stoutenburg, G. “Strict Moderate Invariantism and Knowledge-Denials”, *Philosophical Studies*, 2017, vol. 174 (8), pp. 2029–2044.

Unger, 1975 – Unger, P. *Ignorance: A Case for Scepticism*. Oxford: Clarendon, 1975.

Weatherson, 2011 – Weatherson, B. “Defending Interest-Relative Invariantism”, *Logos and Episteme*, 2011, vol. 2 (4), pp. 591–609.

Weatherson, 2012 – Weatherson, B. “Knowledge, Bets, and Interests”, in: J. Brown and M. Gerken (eds.) *Knowledge Ascriptions*. Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 75–103.

Weatherson, 2017 – Weatherson, B. “Interest-Relative Invariantism”, in: J.J. Ichikawa (ed.) *The Routledge Handbook of Epistemic Contextualism*. Ed. London: Routledge, 2017, pp. 240–253.